

Иван Гостинович

Во стольнѣм во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было пированьѣ-столованьѣ
На многих на князей, на бояров,
На многих купцей, людей торговых,
И на тих же мещан да пригородных,
И на тих же хресьян да православных,
И на тих же на руських богатырей.
Он как пир-от снаредил князь, пировать стали,
И столы-те розоставили, столовать стали;
Ищѣ все тут на пиру все напивалисе,
Ищѣ все тут на чесном да наедалисе.
Как выходит-то солнышко Владимир-князь,
Он выходит-де тут да ко столу ищѣ,
Он подходит ко всем ли людям добрым,
Говорит тут ле солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой еси, хресьяна православные!
Уж вы ой еси, мещана пригородные!
Аж вы ой еси, купцы люди торговья!
Аж вы ой еси-де, руськи все богатыри!
У вас есь ле у кого да кони добрыя?
Кабы битце со мной нонь ѣ велик заклад,
А не во сти рублей, да не во тысяци —
Ї своей молодецькой буйной голове:
Кабы съездить от города от Киева
До того нынцѣ до городи Цернигова,
Ищѣ съездить бы нонь да кабы взад-вперед,
Меж ённою меж обеньнѣй, меж заютреннѣй;
Кабы места ле тут да нонь не много же,
Ищѣ три девеноста равномерных вѣрст».
Кабы все тут на пиру сидят приюмолкнули,
А как все на чесном да приюдрогнули,
Кабы меньшей хорониться за среньяго,
Кабы среннѣй хорониться за большого,
Как от большого князю нонь ответу нет.

Как из-за того из-за стола переньяго,
Со хорошей со лавки, с дубовой доски
И ставаёт тут удалой доброй молодець
По прозванью-ту Иван да сын Гостинович;
Поблизешинько он ко князю придвигаитьсе,
Понижешинько он князю поклоняитьсе,
Ищэ сам тут говорит он таково слово:
«Ищэ ой есь ты, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь мне-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь ты мне за слово головы сказнить,
Головы ли сказнить, скоро повесити,
И не выслать бы штобы миня в ссылки дальния —
Я бы бьюсь нонь с тобой да о велик заклад,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысеци —
О своей молодецькой буйной головы!»
Кабы князь-от кладет да ноньце сто рублей,
Он-де сто рублей кладёт от ся со тысяцей;
Как ударилсь они тут о велик заклад,
О Иване поручились руськи богатыри,
О князи-то поручилисе бояра всё.
Как ударилсэ Иван тут о велик заклад,
Он пошёл-де со князя со чесна пира,
Как идёт он к своёму широку двору,
Повеся он доржит да буйну голову,
Потопя-де очи ясны в мать сыру землю.
Он приходит к своему широку двору,
Он заходит к своёму коню доброму,
Он заходит ко коню да на конюшен двор,
Он-де падёт коню-то во праву ногу,
Ищэ сам тут говорит он таково слово:
«Уж ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я ударилсэ ведь с князем ё велик заклад,
Я не во сти рублей, да не во тысеци —
О своей я молодецькой буйной головы:
Ищэ съездить от города от Киева,
До того съездить до города Чернигова,
Меж онною обеньней, меж заўтреньней,
Ищэ съездить бы нонь да кабы зад-вперёд,
Ищэ места ле тут да нонь множество,

А бы три девеноста ровно мерных вёрс».
Говорит тут его да, право, доброй конь
Ищэ руськиим езыком чолувеческим:
«Ож ты ой есь, Иван да сын Гостинович!
Ты проси поди у князя время строцьного,
А ты строцьного времицька, уроцьного,
А бы на три нни, на трои сутоцьки;
Кабы дас тибє князь да время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Ищэ на три-де нни, на трои суточки,
Ты поставь тогда на полсти меня на пуховыя,
Ты корми миня пшаной да белояровой,
Ты корми-де миня да ище дбсыта,
Ты бы пой миня, бурушка, ты дбпяна,
Проминай миня, бурушка, по трём зорям,
Э по трем ле зорям да по вечерниим».
А пошёл тут Иван да сын Гостинович,
Он просити стал у князя время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Кабы на три-де нни, на трои сутоцьки.
Как дават ему князь да время строцьного,
А шэ на три-де нни, на трои сутоцьки.
И пошёл тут Иван да сын Гостинович,
Он приходит к своему широку двору,
Он приходит к своему коню доброму,
Он как ставит нонь коня да своя доброго,
Он-де ставит на полсти на пуховыя,
Он насыпал ле пшаны да белояровой,
Он кормил ноньце бурушка ле досыта,
Он поил-де-ка бурушка нонь дбпяна,
Проминал его, бурушка, по трём зорям,
Э по трём-де зорям, да по вечерниим.
Уж приходит ему да время строцьное,
Ищэ строцьное времицько, уроцьное,
Кабы стал тут Иван нонь снаряжатисє,
Кабы стал-де Иван нонь сподоблетисє,
Он уздал-де, седлал да коня доброго,
Он накладывал на коня узду точмянную,
Он-де клал на коня да плотны плотнички,

Ай на плотнички кладёт мякки войлочки,
Э затем кладёт седёлышко черкальское,
Он двенадцеть подстёгивал подпруг шёлковых,
Он тринадцету берёт черезхребётницу,
Через сильную степ да лошадиную,
Он не ради-то басы — да ради крепости,
Не ёставил штобы доброй конь в чистом поле.
Он тогда снарядил да коня доброго,
Он пошёл-де тогда ко божьей церкви,
Он как сам ноньце идёт, с собой коня ведёт,
Он приходит тогда да ко божьей церкви,
Он заходит тогда да во божью черковь,
Собралисе попы, отцы духовныя,
Как служить хотят заутреню воскресеньскую.
Э, тогда Иван пошёл скоро из божьей церкви,
Он приходит к своему коню доброму,
Ож как видели молодца, как на коня скочил,
На коня-де скочил, как в стремяна ступил —
Уж не видели поездки молодецкой,
Э тяжёлой е побежки лошадиной,
Только винно: там в поли курева стоит,
Курева там стоит, да дым столбом валит,
Его скацёт ле конь, да, право, доброй конь,
Он-де с горы-де бы скацёт ноньце на гору,
Он с укатистой-де скацёт на увалисту,
Он-де горы-де, удёлы между ног берёт,
По поднебесью летит, как ясен сокол;
Приезжает ко городу Чернигову.
Приезжает-де ен да ко божьей черкви,
Он соскакивал-де скоро со добра коня,
Как не вяжет коня, да не приказыват,
Он заскакивал-де скоро во божью черковь,
Как служат попы, отцы духовныя,
Они служат-де заутреню воскресеньскую,
Он-де Богу-ту, Иван, да он не молиться,
Он проходит к попам, отцам духовным,
Говорит тут Иван да таково слово:
«Уж вы ой еси, попы, отцы духовныя!
Вы пишите мне ерлык, да скору грамоту».

И на то его попы скоро не ослышались,
Написали ему ерлык, да скору грамоту.
И оттуль-де Иван скоро поворот даёт,
Он выходит-де скоро вон на юлицу,
Он приходит-де скоро к коню доброму,
Он как скачет-де скоро на добра коня,
Опеть скачёт его да ноньце доброй конь,
Он-де с гор-де ноньце скацёт ноньце на гору,
Он с укатистой-то скацёт на увалисту,
Ыщэ горы-удолы промеж ног берёт,
По поднебесью летит он, как ясен сокол,
Приежжат-де ко городу ко Киеву.
А ежжает он тут да ко божьей черквы,
Он соскакивал тут скоро со добра коня,
Как оставил он коня да не привязана,
Ищэ конь-от у его стоит шатайтсе,
Из ноздрей-де у коня да пламё огненно,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Он заходит тут бы скоро во божью церков,
Тут ставают-де попы, отцы духовныя,
Как служить хотят обенню воскресеньскую,
Тут Иван простоял нонь у обедни же,
У ёбенни простоял у воскресеньскойей.
Отслужили тут попы, отцы духовныя,
А бы тут они обенню воскресеньскую,
И пошли они тут все да из божьей черквы,
И Иван-от пошёл тут из божьей черквы.
Он приходит к своему коню доброму,
Он берёт-де коня да за шёлкóв повод,
Он идёт-де к своему широку двору,
Он заводит коня тут на конюшен двор,
Он поставил его на полсти на пуховыя,
Он насыпал ему пшены да белояровой.
Он пошёл тогда ко князю ко Владимиру,
И просит-де у князя деньги выезны,
Кабы выезны-то денёжки, нонь выгонны.
Он пришёл ноньце ко князю ко Владимиру
Говорит же тут Иван да сын Гостинович:
«Уж ты ой есь, ты солнышко Владимир-князь!

Ты уж дай мне-ка нонь да деньги выезны,
Ищэ выезны мне денёжки, нонь выгонны,
Ты уж сто рублей мне дай ноньце со тысецей!»
Кабы князю-ту ле тут нонь за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Я накину на тебя службу тяжёлую:
Я как выпущу на твоего коня доброго,
Я как выпущу на его да триста жаробцей,
Уж как пусь у тя бурушка нонь рóстолочат,
Ище пусь у тя малого нонь рóзволочат!»
Говорит ищэ солнышко Владимир-князь:
«Ты как выпусти своего коня доброго,
Ищэ выпусти его да во чисто полё».
Э, пошёл тут Иван нонь запечалилсе,
Запечалилса Иван, да закручинилса,
Повеся-де доржит он буйну голову,
Потопя-де оци ясны в мать сыру землю.
Он приходит ко своему широку двору,
Он приходит ко своёму коню доброму,
Он-де падает коню да во праву ногу,
А жэ сам же говорит тут таково слово:
«Уж ты милинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни ж, винно, с тобой ноньци прощаюсе:
Выпускаёт на тебя да князь Владимир же,
Во чисто он полё да триста жаробьцей,
Ищэ сам тут говорит да таково слово:
„Ищэ пусть у тебя бурушка тут ростолочат,
Ищэ пусть у тебя бурушка нонь розволочат!“»
Кабы бурой-от ле конь да говорил ищэ,
Он как руськиим языком человеческим:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Кабы эта мне не служба ноньце — службишко,
Кабы служба-то ле мне всё впереди будёт».
Выпускает тогда Иван да сын Гостинович
Он своего ле нонь да коня доброго,
Побежал его нонь да, право, доброй конь,
Побежал он, бежит конь во чисто полё.

Кабы князь-от выпускал там триста жеребьцей,
Ы ти кони побежали во чисто полё.
Прибегали ле они да к коню доброму,
Они стали тут как бурушка покусывать,
Они стали ноньце малого полегивать,
Кабы бурой-от конь тут осержаеьсе,
Он-де бьёт правой ногой мать сыру землю.
Подрожала тут-то матушка сыра земля,
Кабы в поли-то-де дубьё росшаталисе,
И вершинами они вместо соплеталисе,
И в озерах вода-ти сколыбаласе,
Ищэ кони-ти эти вси устрашилисе,
Как оваяны ле мешки, да повалилисе,
Кабы конюхи у князя одва живы стоят.
Прибегаёт тогда ноньце доброй конь
Ко тому-то Ивану широку двору,
Запускат Иван коня да на конюшен двор,
Он бы ставит на полсти на пуховыя,
Он насыпал опеть пшаны ему белояровой,
И тогда Иван пошёл ко князю Владимиру,
И просить опеть у ёго да деньги выезны,
Ище выезны как денёжки, нонь выгонны.
Он приходит нонь ко князю ко Владимиру,
Говорит же Иван да сын Гостинович:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне-ка деньги выезны,
Аж те сто рублей, нонь со тысяцей!»
А бы князю тут Владимиру за беду стало,
За великую досаду показалосе:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Я накину на тебя службу тяжёлую:
Ищэ выпущу в чисто полё тридцеть жаребьцей,
Кабы пусь у тя нонь бурушка нонь ростолочат,
Ищэ пусь у тя бурушка нонь розволочат!»
А пошёл опять Иван да сын Гостинович,
Запечалился Иван тут, закручинилсэ,
Повеся идёт, дёржит буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны в мать сыру землю,
Он приходит к своему широку двору,

Он опеть падат бурку во праву ногу:
«Ож ты малинькой мой бурушко, косматинькой,
Ю ты правая нога да по колен бела,
У ты левая нога бела по щёточку,
Я посленни ж, винно, с тобой нонь прощаюсе:
Выпускат на тя нонь князь тридцеть жаребьцей,
Ищэ сам же говорит да таково слово:
„Кабы пусть у тя бурушка нонь ростолочат,
Ищэ пусь у тя малого нонь розволачат!“»
Говорит же его да ноньце доброй конь
Ищэ руським языком человеческим:
«Кабы эта мне не служба — ищэ службишко,
Кабы служба-то вся ищэ впереди будёт».
А бы тут же Иван да сын Гостинович,
Он как выпустил своего коня доброго,
Побежал его конь нонь во чисто полё,
Кабы князь-от выпускает да тридцеть жаребьцей,
Прибегали жаребьци да к коню доброму,
Они стали тут как бурушка покусывать,
Ищэ стали они бурушка полегивать,
Ищэ бурой-от конь тут осержаеетсе,
Он как бьет-де правой ногой мать сыру землю.
Подрожала тут как матушка сыра земля,
И как в поли-то дубьё расшаталисе,
И вершинами как вместо соплеталисе,
И в озерах-то вода сё сколыбаласе,
Кабы кони-ти ети юстрашилисе,
Как оваяны ле мешки все повалилисе,
Ищэ конюхи у князя едва живы стоят.
Прибегаёт у Ивана ныньце доброй конь,
Запускает ле Иван коня на конюшен двор,
Он поставил опеть на полсти на пуховыя,
Он насыпал пшаны да белояровой,
Он пошёл тогда ко князю ко Владимиру:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне денёжки ныньце выезны,
Кабы выезны денёжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей ноньце со тысяцей!»
Ищэ князю-ту опеть тут за беду стало,

За великую досаду показалосе,
Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Я ищэ на тебя наложу службу тяжёлую:
Ищэ есь у мня нонь да три жаребьця,
Ище выпущу я их на твоего коня».

Как пошёл-де тут Иван да сын Гостинович,
Пуще старого Иван да закручинилса,
Пуще старого Иван да запечалилса,
Повеся идёт доржит да буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны в мать сыру землю,
Он не видит идёт пути-дорожочьки,
Он приходит к своему широку двору,
Он приходит к коню да на конюшен двор,
Опеть падат-де коню да во праву ногу:
«Уж ты малинкой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни ж, винно, с тобой прощаюсе:
Выпускаат на тя-де князь ноньце три жаребьця». —
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Уж я знаю этих нонь да как три жеребьця:
Уж один-от ле конь мне-ка названой брат,
И названной-от мне брат ноньце при старости,
А другой-от ноньце конь да синёгривой же,
А третьёй-от ле конь да полонёной был».

А как выпустил Иван да коня доброго,
Побежал его конь да во чисто полё;
Кабы князь-от выпустил три жаребьця,
Прибегали-де ёни да к коню доброму,
Опеть стали они бурушка покусывать,
Опеть стали они малого полёгивать;
Ноньце бурой-от ле конь да осержаитьсе,
Он как бьёт ле правой ногой сыру землю.
Подрожала-де тут матушка сыра земля,
Кабы в поли опеть дубьё росшаталисе,
И вершинами-то вместо соплеталисе,
Как в озёрах вода да сколыбаласе,
Кабы кони-то эти юстрашилисе,
Полонёно-ёт конь в полон убежал,
Синёгривого коня брал за хребетьничу,

Он бросал его о матушку сыру землю,
Да бы тут же коню конеч случился же;
А назван-от ему брат да ноньце бурушко
Покорилсэ он брату ноньце меньшому:
«Уж я ноньце как, брат, ищэ при старости,
Ты как ноньци в самом рáзу, в самом корпусе,
Уж я быти над тобой да ноньце меньшей брат,
Ищэ быть ты надо мной да ищэ старшой брат».
Прибегат опеть к Ивану ноньце доброй конь,
Запускает Иван коня да на конюшен двор,
Он поставил его на полсти на пуховыя,
И насыпал опеть пшаны да белояровой,
И пошел он нынь, Иван да сын Гостинович,
Ко тому ко князю ко Владимиру.
Он приходит ко князю ко Владимиру,
Говорит же Иван да сын Гостинович:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне же деньги выезны,
Ищэ выезны как денёжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей, да ноньце со тысецей!»
Ёпеть князю-ту ле тут да за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Говорит на то солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Ож какой же у ты нонь доброй конь,
Посмотреть мне-ка его надо в чистом поли,
А не можно ле поймать его в чистом поли?»
Говорит же всё солнышко Владимир-князь:
«Ты как выпусти коня ноньци в чисто полё,
Соберу же я удалых добрых молодцов,
Как имати-де твоёго коня доброго,
Я направлю нонь арканов много шёлковых».
Как пошёл-де как Иван да запечалилсэ,
Запечалилсэ Иван, да закручинилсэ,
Повеся идёт доржит да буйну голову,
Потопя-де оци ясны в мать сыру землю,
Он не видит идёт пути-дорожоцьки,
Он приходит ко своему широку двору,
Опеть падат-де коню да во праву ногу,

Говорит тут Иван да сын Гостинович:
«Уж ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни ж, винно, с тобой нонь прощаюсе:
Кабы князь-от хоцет имати тебя в чистом поли,
Над тобой-де я не знаю чо станут делати,
Собират он имальников много-множество».
Говорит нонь его да, право, доброй конь
Уж как руськиим языком человеческим:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гостинович!
Ты приди же нонь как тут да во чисто полё,
Ты надень на себя да шубу куньюю,
Кабы где миня имати станут в чистом поли,
Кабы много арканов там е шёлковых,
А возьмут меня вокруг да доброго коня,
Я увижу тогда тебя, Иван Гостиновиць,
Мимо тя я побегу да ноньце, доброй конь,
Затени из рукава свою руку правую,
Я схвацю-де у тя ноньце у шубоцьки,
Я схвацю-де у тебя да ноньце правой рукав,
Оторву-де у тя, у шубы куньей,
И тогда же как князь да устрашитце же:
И какой же екой у него доброй конь?
Он не знат-де своего нонь хозяина,
Он как оторвал у шубы рукав правой же».
Уж как выпустил Иван да коня доброго,
Побежал ноньце конь его во чисто поле.
Кабы сам стал Иван тут снарежатисе,
Надевал на себя он шубу куньюю.
Кабы князь-от там пошёл да во чисто полё,
Он со многима народами, с арканами,
Там увидели коня, ходит в чистом поли,
Обходить стали вокруг да коня доброго,
Ищэ конь там ле в поли нонь похаживат,
И они ноньце коня стали приганивать,
Кабы бурой-от ле конь да стал побегивать,
Он своёго стал хозяина посматривать.
Ювидал он своего тут хозяина,
Он схватил-де его да ноньце шубоцьку,
Да схватал-де-ка шубу — ныньце всю стащил,

Он оторвал у шубы нонь правой рукав.
Кабы князь-от нонь как тут да устрашилса же:
«Как какой же у его экой, право, доброй конь!
Он не знаёт-де своего-де хозяина,
Он одва ле не убил ноньце хозяина.
Уж пойдете же, народ, да вся камйсея,
Он как можот ле нас да всех убити этта».
Кабы все они ушли да из чиста поля,
У Ивана прибежал да ныньце доброй конь,
Запускает он коня да на конюшен двор,
Он поставил коня на полсти на пуховыя,
Он насыпал пшаны да белояровой,
Тогда пошёл Иван ко князю ко Владимиру;
Он приходит ко князю ко Владимиру,
Говорит же Иван да сын Гостинович:
«Ож ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж отдай же мне ты да деньги выезны,
Кабы выезны денёжки, нонь выгонны,
Кабы сто-де рублей, да нонь со тысяцёй!»
Э тогда да ноньце князю делать нецего,
Отдават ему сто рублей со тысёцей.
И пошел ноньце Иван да сын Гостинович,
Он к своёму идёт да широку двору,
Он приходит к коню да на конюшен двор,
Как коню-то он стал да ноньце сказывать,
Он-де сказывать коню стал, да рассказывать:
«Уж ты ой еси ле, мой да, право, доброй конь!
Те спасибо же ле, конь, да мой ты бурушко!
Сослужил ты как, бурушко, все службы тяжёлые:
Получил я от князя деньги выезны,
Кабы выезны же денёжки-де, выгонны,
Уж я сто рублей всего со тысёцей».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.